

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ

КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ.

ТОМЪ IV. КНИГА 2.

СОДЕРЖАНИЕ.

- Я. А. Денисова, Важность изученія метрики въ связи съ краткой исторіей этой науки.
А. Ф. Семенова, Стихомитій въ трагедіяхъ Эсхила.
В. И. Модестова, Греческое произношеніе. Дифтонгъ *ai*.
И. В. Нетушилъ, Семазиологическія замѣтки. 1. Consul. 2. Exercitus.
Ф. Ф. Зѣлинскаго, Irrealis futuri.
Ф. Е. Корша, Значеніе темы въ греческой ритмикѣ.
А. Н. Шварца, Къ вопросу объ irrealis futuri.
П. Д. Первова, Accusativus cum infinitivo.
А. И. Сонинъ, 1. Нѣсколько замѣтокъ къ „Лягушкамъ“ Аристофана. 2. De duabus Agamemnonis Aeschyleae locis.
С. И. Соболевскаго, Къ ученію Хеля о союзѣ сим.
В. Г. Аппельрота, По поводу Гермеса Практителя.
С. И. Любомудрова, О классномъ чтеніи „Воспоминаній“ Ксенофonta.
В. Г. Аппельрота, Выразительное чтеніе на урокахъ древнихъ языковъ.
По поводу 25-лѣтія Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая. Бывшаго ломоносовца.
Varia.

Некрологъ: Г. Г. Вульфіусъ, Н. Р.

Критика и библіографія.

I. Обзоръ книгъ. В. П. Бузескула, Научная литература по греческой исторіи

за послѣдніе годы (1880—1892) въ ея главныхъ явленіяхъ. — В. Латышевъ, Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ, Ю. А. Кулаковскаго. — С. Жебелевъ, Религіозное врачеваніе въ древней Греціи, А. В. А.— А. Шварцъ, Замѣтки объ орнам. саркофага, найденного бл. Анаши, Вл. А.— G. Dittenberger, Corpus inscr. graec. etc., С. А. Жебелева. — G. Cougny, L'art antique, А. Н. Деревицкаго. — „Ипиолитъ“ Евріпida въ перев. Д. Мережковскаго, И. Ф. Анненскаго. — И. Нетушиль, Лат. синтаксисъ, С. И. Соболевскаго. — „Парь Эдиль“ Софокла въ изданіяхъ Ф. Зѣлинскаго и И. Иванова; Ф. Зѣлинскій, Замѣтки къ тр. Софокла; С. Цибульскій, Антигона Софокла, В. А. Грингута. — Г. ф.-Гаазе, Геродотъ. Скиѳія. Текстъ и прям., И. Ф. Анненскаго. — П. Вивоградовъ, Учебникъ греч. исторіи, С. И. Аицьферова — Хрестоматія по др.-греч. исторіи П. Кумского и В. Алексѣева, В. В. Смирнова. — И. Сигт., Начал. лат. хрестом., В. П. Недачина. — A. Lange, Methodischer Lehrer-Komm. zu Ovids Metam., А. В. А.— Двѣ библіографическія замѣтки, В. Л. — 2. Обзоръ журналовъ, русскихъ и иностранныхъ. — 3. Новые книги. — Объявленія.

Приложеніе. Цицеронъ, Объ ораторѣ (I §§ 62—159), въ перев. Ф. Е. Корша. — Иль Лукреція (III 929—1021), перев. Ф. Е. Корша.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ Э. ЛІССНЕРА И Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лісснера.

1893.

Зато совершенно необходимо и законно стремиться къ тому, чтобы при чтеніи древнихъ авторовъ и при прохожденіи курса всеобщей исторіи искусство обращало на себя серіозное вниманіе преподавателей, при чемъ въ ихъ распоряженіи имѣлся бы и достаточный запасъ не особенно дорого стоящихъ художественныхъ изданій въ родѣ атласовъ Любке и Зеемана или словаря Баумейстера. Законно также желать, чтобы и въ университетахъ каѳедра исторіи и теоріи искусствъ, нынѣ пріуроченная лишь къ классическому отдѣленію историко-филологического факультета, выведена была изъ этого своего уединенного положенія и, какъ это было раньше, заняла мѣсто въ ряду другихъ общеобразовательныхъ каѳедръ этого факультета. Вѣдь это предметъ въ высокой степени идеального характера, — быть можетъ, наиболѣе способный воздѣйствовать идеализующимъ образомъ на умственный складъ и познавательные стремленія учащагося юношества. Онъ имѣть дѣло съ эстетическими идеалами человѣчества, поскольку эти идеалы выражаются въ художественно-творческой дѣятельности, а потому изученіе его имѣть не только образовательное, но и важное воспитательное значеніе. Представляя идеальное воспроизведеніе того, что дано непосредственною, живою дѣйствительностью, искусство помогаетъ намъ осмыслить эту дѣйствительность съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, — и въ этомъ его культурная заслуга. Пусть же найдеть она надлежащее признаніе!

Но — мѣлкота тайта. тѣи прохецимоу ти ходѣтъ прабег...

A. Деревицкій.

„Ипполитъ“, трагедія Евріпіда, въ переводѣ Д. Мережковскаго.

Переводъ помѣщенъ на первомъ мѣстѣ въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за нынѣшній годъ. Онъ появился на тѣхъ самыхъ страницахъ маститаго журнала, гдѣ русскіе читатели привыкли встрѣчать имена Гончарова, Тургенева, Островскаго, Салтыкова, и ужъ это заставляетъ отнести къ переводу внимательнѣе, хотя самъ по себѣ онъ — явленіе не особенно интересное и важное, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ уже хороший русскій переводъ той же пьесы Евріпіда.

Г. Мережковскій ранѣе помѣстилъ въ томъ же журналѣ переводъ Эсхилова „Прометея“ и Софокловой „Антигоны“, такъ что переводить греческихъ трагиковъ для него не новая работа.

Я не сравнивалъ его первыхъ переводовъ съ текстомъ, хотя они мнѣ казались при чтеніи весьма свободными. „Ипполита“

я сравнилъ построчно съ греческимъ текстомъ*), и переводъ этотъ считаю себя вправѣ называть весьма неточнымъ. При работе г. Мережковского нѣтъ никакого указанія на то, съ какого языка онъ переводилъ, потому мнѣ кажется наиболѣе естественнымъ сравнивать его стихи съ подлинникомъ, хотя весьма вѣроятно, что греческаго текста онъ, переводя, передъ собою не имѣлъ.

Вольный переводъ классического произведенія стихами и безъ комментаріевъ, указывающихъ если не на самостоятельную критическую работу надъ текстомъ, то хоть на то, что разночленія и конъєктуры были переводчику извѣстны, — такой вольный переводъ есть вещь очень рискованная для автора и очень сомнительная для серіозныхъ читателей. Г. Мережковскому, вѣроятно, извѣстны затрудненія, съ которыми встречаются русские издатели при напечатаніи даже своихъ родныхъ и притомъ недавнихъ произведеній, напр. „Демона“ или „Горя отъ ума“. Что же сказать тогда о текстѣ старого грека, да еще притомъ такого, къ которому время было особенно враждебно? Извѣстно, что до сихъ поръ нѣтъ Еврипидовскаго словаря, какъ есть Гомеровскіе, Софокловскіе, Геродотовскій и т. д. Причина лежитъ здѣсь едва ли не именно въ этой крайней испорченности текста.

Мнѣ возразить, что переводъ съ такимъ тяжелымъ аппаратомъ, плодъ щательного труда и эрудиціи, былъ бы неумѣстенъ въ литературномъ журналѣ, что его мѣсто въ специальныхъ изданіяхъ. Не думаю, отвѣчу я, чтобы двѣ-три странички скромнаго петита съ примѣчаніями были такимъ невыносимымъ балластомъ для журнала, гдѣ пишутъ профессора и академики. А для серіознаго читателя все же была бы нѣкоторая гаранція, что ему даютъ въ самомъ дѣлѣ Еврипода, а не фантазію на еврипидовскій сюжетъ.

Помимо того, можно бы было продѣлать данную работу на черно, а напечатать только одни стихи безъ примѣчаній и объяснить это въ небольшомъ введеніи, указавъ хоть на текстъ, послужившій для перевода, на пособія. Ничего этого не сдѣлано. Это мы считаемъ ошибкой со стороны переводчика и редакціи. Печально видѣть въ странѣ съ классической школой, съ филологическими журналами и каѳедрами такое разобщеніе между журнальной и научной работой.

Но обратимся къ самому переводу.

Переводъ драматической части трагедіи сдѣланъ пятистопнымъ ямбомъ, а лирическія части переданы самыми разнообразными, причудливыми размѣрами: строчки въ строфахъ хора располагаются иногда какими-то треугольниками или ромбами,

*) Я пользовался Тейблеровскимъ изданіемъ, въ рецензіи Наука, в. I, ед. III.

хотя сооствѣтствіе между строфой и антистрофой постоянно соблюдается. О какомъ-нибудь сооствѣтствіи русскихъ размѣровъ съ хоровыми греческими, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи у г. Мережковскаго, а между тѣмъ, ужъ если переводить греческаго трагика стихами, синтетически, разсчитывая такимъ образомъ возсоздать чужой поэтическій образъ, заставить почувствовать его красоту, то на размѣры хоровъ слѣдуетъ обратить самое серіозное вниманіе. Вѣдь это все равно, что музыка къ балету.

Въ общемъ стихами г. Мережковскаго читатели журналовъ остались, вѣроятно, довольны. Онъ не только опытный, но талантливый версификаторъ; главное и рѣдкое теперь достоинство, что онъ не выдумываетъ новыхъ словъ и формъ: языкъ его чистъ, безъ игры въ архаизмы или неологизмы.

Стихи вышли похожими отчасти на Озерова, отчасти на Жуковскаго въ переводѣ „Орлеанской дѣвы“ (примѣры ниже).

Въ общемъ же впечатлѣніи отъ текста Еврипидъ у г. Мережковскаго выходитъ безусловно скучнымъ и банальнымъ. Происходитъ это, главнымъ образомъ, отъ двухъ причинъ: отъ непониманія текста и отъ небрежнаго къ нему отношенія. Приведу примѣры неумѣстнаго паѳоса, стертыхъ мѣстныхъ особенностей, уничтоженной конкретности описаній, пренебреженныхъ спѣциально еврипидовскихъ чертъ, не переданныхъ тонкихъ психологическихъ чертъ, обезцвѣченного языка и смѣлага модернизированія.

Въ греческой трагедіи, несомнѣнно, встрѣчалась въ рѣчи нѣкоторая искусственная торжественность, даже напыщенность, высокій стиль, какъ мы говоримъ. Но нельзя въ переводѣ прилагать его равно къ рѣчи героевъ и рѣчи рабовъ. У г. Мережковскаго кормилица почему-то говоритъ особенно торжественно. Напр.

Но предвижу
Борьбу послѣднюю на жизнь и смерть
И, чтобы тебя спасти, на все дерзаю.

У Еврипода нѣтъ ничего подобнаго: (496) sq.

...*τὴν δ' ἀγών μέγας*
σῶσαι βίον σόν...

Иногда паѳосъ обязанъ своимъ происхожденіемъ просто недоразумѣнію: г. Мережковскій не понялъ текста или иностраннаго перевода. Напр. Фесей восклицаетъ у него:

Къ свидѣтелямъ безмолвнымъ прибѣгаешь!
Смотри: тебя и камни обличать.

Выражение весьма патетическое, а между темъ у Еврипида стоитъ просто:

*εἰς τοὺς ἀφόνους μάρτυρας φεύγεις βοφῶς,
τὸ δὲ ἔργον οὐ λέγον σε μητύει κακόν* (1076 sq),

т.-е. ты ловко ссылаешься на нѣмыхъ свидѣтелей, а между тѣмъ вотъ вещица (т.-е. свитокъ въ рукѣ у Федры) — сама не говоритъ, а злодѣя въ тебѣ обличаетъ.

Но грустнѣе всего непониманіе текста въ тѣхъ мѣстахъ, которыя составляютъ особую красоту Еврипида. Почти достовѣрно, что Еврипидъ былъ живописцемъ, и это отразилось на чрезвычайной точности и яркости его описаній. Его *ἀγγελικὰ ὁρῆσεις* въ нѣкоторыхъ драмахъ составляютъ самую интересную въ эстетическомъ отношеніи часть произведенія (такъ, въ „Гекубѣ“, въ „Вакханкахъ“). Здѣсь, въ „Ипполитѣ“ (1187 sqq), вѣстникъ разсказываетъ о приключеніи съ Ипполитомъ. Ипполитъ собирается уѣзжать

*πάλονς παρ' αὐτὸν δεσπότην ἐστήσαμεν,
μάρπτει δὲ χερσὶν ἡνίας ἀλ' ἀντυγος
αὐταῖσιν ἀρθύλαιοις ἀρμόδας πόδας.*

Г. Мережковскій, вѣроятно, никогда не читалъ описанія греческой колесницы и не рассматривалъ рисунковъ по древностямъ. Онъ совершенно не представляетъ себѣ, что такое *ἄντυξ* и что значитъ *ἀρμόδαις πόδας ἀρθύλαιοις*; онъ пишетъ прямо вздоръ:

И подали владыкѣ колесницу,
Вошелъ въ нее и, ноги утвердивъ
Надъ выпуклымъ переднимъ краемъ, вожжи
Онъ укрѣпилъ...

Иногда Еврипидъ передѣлывается г. Мережковскимъ безъ всякой надобности. Напр., Фесей приказываетъ принести Ипполита, разбитаго лошадьми (1265 sqq.):

*Κομίζετ' αὐτόν, ὡς ἰδὼν ἐν ὅμιλοις
τὸν τάμ' ἀλαρηθέντα μὴ χρᾶναι λέχη
λόγοις τ' ἐλέγειν δαιμόνων τε συμφορᾶς,*

т.-е. несите его: я воочию изобличу нежелающаго сознаться, что онъ осквернилъ мое ложе, изобличу и словами и самыми фактами бѣды, ниспосланной богами.

Г. Мережковскій пишетъ:

Сюда его несите: можетъ быть,
Онъ, посмотрѣвъ мнѣ въ очи передъ смертью,
Вину свою признаетъ наконецъ.

Европидовского Фесея въ этихъ словахъ нѣтъ. У Фесея не предрѣшено вопросъ о смерти Ипполита, да и не покаянія надо ему — онъ вовсе не католической аббатъ: онъ еще полонъ живого чувства оскорблѣнія, онъ хочетъ обличать при всѣхъ; его настроеніе — есть настроеніе активное, а не морализирующее, какъ представилъ г. Мережковскій.

Вотъ именно эти-то повидимому мелочи, въ которыя переводчикъ не вдумался, и дѣлаютъ переводъ блѣднымъ и банальнымъ.

Вотъ примѣры стертыхъ въ переводѣ мѣстныхъ, бытовыхъ чертъ:

1080 sq. Фесей упрекаетъ Ипполита:

*πολλῷ γε μᾶλλον σαυτὸν ἡσῆτας σέβειν
ἢ τοὺς τεχόγτας δοῖα δρᾶν, δίκαιος δὲν.*

Г. Мережковскій переводить такъ:

Ты самого себя привыкъ жалѣть,
Но ни любви въ душѣ твоей, ни правды.

Рѣчь идетъ объ отсутствіи почтенія къ родителямъ, этой основной античной добродѣтели, этого гражданскаго устоя, а вовсе не объ отвлеченной любви и правдѣ, философской или всемирно-христіанской.

Или Федра, подъ вліяніемъ неотступныхъ просьбъ коринтицы, которая, наконецъ, даже хватаетъ ее за руку, соглашается открыть ей тайну.

δώσω· σέβας γὰρ χειρὸς αἰδοῦματι τὸ σόν (335).

Г. Мережковскій переводить

Жаль тебя:
Исполню все, о чёмъ меня ты просишь.

При чёмъ тутъ жалость? Рѣчь идетъ о религіозномъ уваженіи къ правамъ молящаго.

Иногда модернизированіе у г. Мережковскаго, съ чертами античнаго міросозерцанія, уничтожаетъ и психологическую правду.

Моя любовь чиста, восхищается у него Федра (у Евр. 504 sq. ...*ἐπείρεγμα μὲν οὐ ψυχὴν ἔρωτι...*)

Неужто Федрѣ любовь можетъ казаться чистою? и въ чёмъ же тогда трагизмъ ея положенія?

Психологическое недоразумѣніе составляютъ въ переводѣ г. Мережковскаго и слова Федры объ Ипполитѣ:

И гордаго заставлю
Моей любви мученья раздѣлить.

У Еврипода 730 sq.:

...τῆς νόσου δὲ τῆςδέ μοι
κοινῇ μετασχὼν σωφροτεῖν μαθήσεται.

Въ переводѣ не переданы иногда очень интересныя психологическія детали. Напр. чудныя слова Федры, когда она очнулась отъ бреда, 247 sqq.:

τὸ γὰρ φροῦροθαῖ τυνόμαν δύνη
τὸ δὲ μαγόμενον κακόν, ἀλλὰ κρατεῖ
μὴ γιγνώσκοντ' ἀπολέσθαι.

г. Мережковскій передаетъ такъ:

Больно думать, больно чувствовать!
Легче было бы въ забвеньи
И въ бреду мнѣ умереть.

Если даже и счѣсть въ забвениі за lapsus calami (не въ забвениі, а въ забытьи), здѣсь останутся не переданными два психологическихъ момента: 1) возвращаться къ сознанію мучительно (*δύνη*) и 2) бѣсноваться (безумствовать) дурно (стыдно — *κακόν*).

Не передавать этого особы характернаго въ Еврипидѣ соединенія паѳоса трагика съ холоднымъ анализомъ софиста значитъ не передавать Еврипода. Всякій воленъ выдумывать свою Федру, но нельзя выдумывать своего Еврипода.

Вотъ еще одинъ примѣръ, какъ переводчикъ обходитъ мысли звуками, при чемъ изъ тонкаго и живого замѣчанія получается какая-то претенциозная банальность.

Въ разговорѣ Федры съ кормилицей вмѣшиваются со слѣдующими словами хоръ (482 sqq.):

Φαιόρα, λέγει μὲν ἥδε χρησιμότερα
πρὸς τὴν παροῦσαν συμφοράν, αἰνῶ δὲ σέ.
ὅ δ' αἴρος οὐτος δυσχερέστερος ψόγων
τῶν τῆςδε καὶ σοὶ μᾶλλον ἀλγίων κλύειν.

г. Мережковскій понялъ это такъ:

Хотя полны слова ея надежды,
Я все-таки, владычица, скажу,
Что не она — въ надеждѣ неразумной,
А ты въ своемъ отчаянны права!

Вообще слова Еврипода для г. Мережковскаго собственно, кажется, не особенно интересны: онъ старается наставить какъ можно больше своихъ словъ, сообразно тому, какъ, по его мнѣнію, должны бы были говорить дѣйствующія лица у Еврипода.

Это особенно хорошо выяснится, если посмотримъ на передачу образнаго языка.

Эпитеты у греческихъ трагиковъ имѣютъ еще большое значеніе, хотя ихъ настоящая сила, конечно, принадлежитъ эпосу. У г. Мережковскаго нѣтъ Европидовыхъ эпитетовъ: онъ сочиняетъ свои, иногда подходящіе, иногда ничего не значащіе, а просто звучные, иногда противоположные греческимъ. Любить онъ, между прочимъ, слово святой. Фесей, напр. у г. Мережковскаго виѣсто Европидовскаго *τάμα λέκτρα* говоритъ мое святое ложе.

Въ одномъ изъ вставныхъ двустишій 431 sq. хоръ говоритъ:

*φεῦ φεῦ, τὸ σῶφρον ὡς ἀλαυταχοῦ καλόν
καὶ δόξαν ἐσθλῆν ἐν βροτοῖς καρπίζεται.*

Это переведено такъ:

О не было-ль во вѣкъ святое сердце
И мудрое прекраснѣйшімъ изъ благъ.

Буквально это значитъ: скромность-то рѣшительно вездѣ хороша и пожинаетъ (собираетъ) въ мірѣ добрую славу. Замѣчу при этомъ, что слово *σῶφρον* г. Мережковскому вообще не дается, а для данной трагедіи это особенно характерное слово, исчерпывающее типическія черты Ипполита.

Въ классическихъ словахъ Ипполита 994 sq., гдѣ тотъ съ прямой и наивной гордостью дѣлаетъ собственную оцѣнку и высказываетъ свои мечты, симпатіи, убѣжденія, — стоитъ между прочимъ вопросъ:

...ἀγὴρ ἐμοῦ
...σωφρονέστερος γεγώζ.

и дальше идутъ указанія на его благочестіе, твердость въ дружбѣ, какъ на иллюстрацію къ его *σωφρούγη*.

Г. Мережковскій переводитъ вопросъ такъ:

Скажи, кого невиннѣе, чѣмъ я,
И дѣвственнѣй встрѣчалъ ты въ этомъ мірѣ?
T.-e. *virgo, virginior, virginissimus* (?!)

О его цѣломудріи говорится ниже, въ той же тирадѣ; *σῶφρον* означаетъ здѣсь душевное цѣломудріе, скромность.

Къ числу излюбленныхъ эпитетовъ г. Мережковскаго относится еще эпитетъ свѣтлый, за его неопределенно лирическій характеръ, вѣроятно. Напр. мужественные слова Ипполита въ Артемидѣ, гдѣ онъ называетъ ее *σύγφαξ, συγκίναε* (1093), переводчикъ передаетъ водянисто-слашавыми стихами:

Ты, свѣтлая подруга свѣтлыхъ дней,
Участница охотъ моихъ безпечныхъ!

Замѣчу мимоходомъ интересный примѣръ поэтической реминисценціи въ слѣдующихъ словахъ Ипполита у г. Мережковскаго:

Простите же, твердыни Эрехтея
И тихія трезенскія поля,
Вы, юности моей пріютъ счастливый,
Послѣдній взглядъ я обращаю къ вамъ (1094—1097).

Эти стихи, своимъ тономъ совершенно не соотвѣтствующіе характеру Ипполита, представляютъ разительное сходство съ переводомъ Жуковскаго изъ Ореанской дѣвы Шиллера:

Lebt wohl ihr, Berge...

Слово свѣтлый попадаетъ у г. Мережковскаго еще въ слѣдующій музыкальный, но безсмыленный наборъ словъ:

И свѣтлыми струями нимфа рѣкъ
Стыдливыя деревья орошаєтъ.

Ἄλφως δὲ ποταμίαι βικῆς φρόνοις (78).

Отмѣтимъ еще холодный аидъ, жалкій трупъ, плѣнительный отрокъ, грозная богиня Афродита, тихая, черная смерть.

На разстояніи нѣсколькихъ строкъ одинъ и тотъ же эпитетъ *πορφυροῦς* два раза переданъ различно и оба раза невѣрно: *πορφύρεον οἴδη* (738 sq.) — темносиняя волна, *πορφυρέας λίμνας* (744) — пучины лазуревой. Слово *πορφυροῦς* рѣдко обозначаетъ цвѣтъ, а здѣсь обозначаетъ просто переливчатый, неспокойный.

Но лучше всего, что *τοξόδαμνος* г. Мережковскій перевелъ безгрѣшная.

τὴν τοξόδαμνον Παρθένον μαρτύρομαι (1451).
Артемидой безгрѣшно клянусь.

Приведу еще два примѣра модернизированія въ переводѣ г. Мережковскаго:

...ῳ πικραὶ γοναι·
μηδεῖς ποτ' εἴη τῶν ἐμῶν φίλων νόθος (1082 sq.)
Быть незаконнымъ сыномъ
Я и врагу не пожелаю.

Ипполитъ не былъ христіаниномъ, чтобы такъ говорить.

Христіанскоѳ этическое понятіе долга и семитическое понятіе проклятія тоже напрасно навязываются Ипполиту.

Г. Мережковскій переводить:

Или стыду вы женщины научите,
Или мой долгъ ихъ вѣчно проклинать,

между тѣмъ какъ Еврипидъ говорить просто:

*η μόν τις αὐτὰς σωφρονεῖ δίδαξάτω
η καὶ εἴτω ταῦθ' ἐλευθαιρεῖν αἰεὶ* (697 sq.),

т.-е. или пусть кто-нибудь обучить женщинъ скромности или пусть не мѣшаютъ моимъ вѣчнымъ нападкамъ.

Всего беспомощнѣе оказывается г. Мережковскій, конечно, переводя хоры. Какъ вамъ понравятся напр. такія вирши (530 sq.):

Нѣть, слабый огонь пожара
И свѣтиль враждебныхъ людемъ
Смертоносные лучи,
Чѣмъ изъ рукъ твоихъ любезныхъ
Стрѣла вѣжной Афродиты,
Олимпійское дитя.

Какъ можно, не краснѣя, пристегивать имя Еврипida къ такому набору словъ.

Въ словахъ хора по поводу изгнанія Ипполита, которому уже наступилъ брачный возрастъ, Ипполитъ названъ плѣнительнымъ отрокомъ.

Συζύγαι Χάριτες (брачные хариты), которыхъ хоръ просить не пускать Ипполита изъ родительского дома, г. Мережковскій почему-то называетъ стыдливыми, а самого Ипполита — ихъ любимцемъ.

*ἴω ἴω συζύγαι χάριτες
τί τὸν τάλαν' ἐκ πατρίας γῆς
τὸν οὐδέν ἀτὰς αἴτιον
πέμπετε τῶνδ' απ' οἰκων;* (1147 sqq.)

г. Мережковскій, вѣроятно, не понялъ, въ чемъ дѣло, и переводитъ такимъ образомъ:

Почему невинный гибнетъ
И любимца своего (это Ипполитъ-то люби-
мецъ Харитъ?!),
О стыдливыхъ Харитахъ,
Вѣчной прелести богини,
Даже вы не защитите
Отъ безжалостныхъ боговъ (?).

Сравненія Еврипida, даже характерныя, съ моремъ (304 sq.), съ птицей (1292 sq.), г. Мережковскій пропускаетъ, считая ихъ, очевидно, стилистическимъ привѣскомъ, а не существеннымъ элементомъ поэзіи.

Я не буду останавливаться на всѣхъ упрощеніяхъ текста (напр., когда 6 Еврипидовскихъ строкъ 1290 sqq. передаются у

г. Мережковского всего двумя строками), ни на дальнѣйшихъ примѣрахъ отбрасыванія характернѣйшихъ бытовыхъ чертъ (напр., въ сужденіяхъ Ипполита о выборѣ жены), укажу только на два куріоза.

Алхіміка тóхос у г. Мережковского переводится Алкеменидъ. Посейдонъ (въ первой половинѣ пьесы) пишется съ двумя с. Вѣдь это въ родѣ Илліады, драммы или иппохондрика.

Разборъ перевода убѣждаетъ насъ, мнѣ кажется, помимо частныхъ недостатковъ работы, еще и въ нѣкоторой ненормальности вообще стихотворныхъ и вольныхъ, такъ называемыхъ литературныхъ, переводовъ съ древнихъ языковъ. Положимъ, г. Мережковскій могъ бы знать по-гречески лучше и проникнуться большими уваженіемъ къ Европиду, но зато много ли вы у насъ найдете такихъ опытныхъ версификаторовъ?

По моему, вообще переводъ синтетической можетъ явиться только при двухъ условіяхъ: во-1-хъ, долженъ переводить настоящій поэтъ, во-2-хъ, въ темпераментѣ и настроеніи поэта-переводчика должно быть соотвѣтствіе съ темпераментомъ и настроеніемъ поэта переводимаго (Жуковскій, этотъ переводчикъ по преимуществу, выбралъ же изъ Шиллера Орлеанскую дѣву, а не Донъ-Карлоса, и изъ Байрона Шильонскаго узника, а не Каина). Въ-3-хъ, для синтетического перевода необходимо безусловно хорошее знакомство съ творчествомъ поэта вообще и съ міросозерцаніемъ данной эпохи. Рѣдко поэты спасала геніальная интуїція (напр. Пушкина, когда онъ переводилъ пѣсни западныхъ славянъ съ поддѣлки Мериме).

Такъ какъ поэты — это рѣдкая улыбка природы, а переводы очередное дѣло культуры, то мнѣ кажется, что полезнѣе переводы аналитические, непремѣнно прозаические и, по возможности, точно передающіе тахістимъ оттѣнковъ мысли, чувства и языка поэта. Переводъ долженъ быть сдѣланъ литературной русской рѣчью и снабженъ комментаріями: произведеніе должно передаваться, такъ сказать, въ той обстановкѣ, въ которой сложилось. Самъ по себѣ переводъ долженъ составлять приличный компромиссъ между древнимъ и новымъ міросозерцаніемъ и языкомъ подлинника и своимъ. По отношенію къ переводамъ съ греческаго языка это особенно важно: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ драгоценными крохами великаго прошлаго; античныя произведенія являются ключами не только къ міросозерцанію геніальнѣйшаго изъ народовъ, но и къ глубочайшимъ тайнамъ поэтическаго творчества вообще. Мы должны быть особенно точны и осторожны, знакомя читателей, не знающихъ по-гречески, съ образцами эллинской поэзіи.

И. Анненскій.